

но исключительной нежности, ревности, страдания от невнимания или бурной радости при встрече не испытывают в той мере, как мы. Их интересы, в общем, выше личных интересов большинства людей, их призвание заставляет их как бы смотреть вдаль, поверх повседневных мелочей жизни. "Близкий всем, всему чужой"⁹⁰, говорит о себе Макс в одном из своих стихотворений.

Мы были с ним хорошими, настоящими друзьями; ни одна тень недоразумения никогда не проскользнула между нами. Он радовался, встречая меня, участливо расспрашивал о моих делах. Но всегда я чувствовал его существо переполненным какими-то иными образами, мыслями и чувствами, в сфере которых мало оставалось места для житейских волнений, которые переносили мы, для тех блуждающих огней, которые манили нас, для того, что засоряло нашу жизнь, из радостных делало нас угрюмыми, из доверчивых - подозрительными...

Макс не читал газет, хотя все, что делалось на белом свете, конечно, хорошо знал, так как был очень общительным человеком. Интересы его были выше интересов текущего дня, мелочи и мелкие чувства как бы сгорали в огне его души. Вместе с тем он был совершенно противоположен типу отшельника. Весь свет был полон его знакомыми. Толстый и легкий, как большой резиновый шар, перекачивался он от одного к другому, и все неизменно радовались его приходу. Весь век он странствовал и обошел пешком и объехал всю Европу. Недаром его классическое стихотворение касается дороги, передает ритм и стук колес вагона⁹¹...

Франция, Испания, Греция, острова Средиземного моря - были последовательными этапами его странствий. Искусство этих стран наполняло, обогащало его талант. Без всякого подражания он просто впитывал и перерабатывал в себе источники вечной красоты.

Особенностью таких людей, как Макс, является то, что без всякого усилия они идут в жизни своим путем, не отклоняясь в сторону. Множество русских интеллигентов делали не то, что хотели бы делать. Судья, неохотно занимающийся своей службой, превращается вечером в прекрасного скрипача; железнодорожник с увлечением занимается астрономией... "Рабы, мы ниву жизни пашем и горечь жизни пьем до дна", - писал я когда-то. Но я знал и других людей. Они легко, как нечто само собой разумеющееся, отмели от себя все, что кажется необходимым и к чему стремится большинство людей, - деньги, власть и т. д., и прошли по жизни танцующей походкой, избранники судьбы, соль земли, ее гордость и украшение. Таким был Макс - и таким он останется в памяти всех, кто знал и любил его.

Елизавета Кругликова ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАКСЕ ВОЛОШИНЕ

1901 год. Ранняя весна. Париж, ул. Буассонад, 17. Ателье Давиденко и Кругликовой. Позирует модель-итальянец. Работают Е. Н. Давиденко, Б. Н. Матвеев⁹² и я. Стук в дверь. "Entrez!"⁹³ Стремительно появляется толстый юноша с львиной шевелюрой, в пенсне на широкой ленте и заявляет с изысканно-вежливым поклоном, что он имеет рекомендации со всех концов мира к Елизавете Сергеевне Кругликовой. "Я Макс Волошин". - "Милости просим", отвечаю я, прерывая работу. "Садитесь"... "А можно и мне тоже порисовать? Я

⁹⁰ 80 Из стихотворения Волошина "По ночам, когда в тумане..." (1903).

⁹¹ 81 Имеется в виду стихотворение Волошина "В вагоне" (1901).

⁹² 82 Матвеев Борис Николаевич (1873-1919) - живописец. Его письма из Парижа, с упоминанием Волошина, хранятся в ЦГАЛИ.

⁹³ Войдите! (Франц.)

никогда не пробовал". Даем ему мольберт и бумагу, и он, пыхтя, усердно принимается за рисунок. В перерыве вопрос: "Ну как?" Указываю ему ошибки... Он еще усерднее работает и все спрашивает: "А теперь уже хорошо?" К концу сеанса - дружба на всю жизнь.

С этого дня мы стали почти неразлучны. Прогулки по Парижу и его окрестностям. Музеи, выставки картин, театры, кафе, кабаре, фуары, рынки и т. п. Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки. Я нередко бранила его за выбор "кратчайших путей", оказывавшихся самыми длинными. Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в Halles Centrales⁹⁴, то на Монмартр, то еще куда-нибудь, к восходу солнца. Очень скоро Макс становится центром моего круга знакомых, бесконечно увеличивая его. В мастерской появляются новые лица, русские и французские поэты и писатели К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов,

Алексей Н. Толстой, Аничков⁹⁵, Иван Странник⁹⁶, Гофман, Гумилев, Боборыкин, Ковалевский⁹⁷, Александр Мерсеро⁹⁸, Рене Гиль⁹⁹, Садиа Леви, Ган-Ринер, Ромен Роллан, Меродак¹⁰⁰ и многие другие. Из художников в этот период постоянными посетителями бывали: Н. В. Досекин, Б. Н. Матвеев, Шервашидзе, Александр Бенуа, Яремич, Якимченко, Сабашникова, Тархов¹⁰¹, Вестфален...

Часто посещали мы лекции русского университета (Мечников, Де-Роберти¹⁰², Макс Ковалевский, Боборыкин, Аничков, Бальмонт и др.). При участии Макса создан Русский Артистический кружок в Париже.

В первое же лето Макс уговаривает нас совершить путешествие пешком в Испанию и посетить Балеарские острова (Майорку)¹⁰³. Его необыкновенная энергия заставляет меня согласиться, несмотря на то, что я вовсе не люблю ни гор, ни пешего хождения. Появляются географические карты, Бедекеры, составляется маршрут. По системе Макса готовятся костюмы: какие-то необычайные кофты из непромокаемой материи с множеством карманов для альбомов, красок, кистей и карандашей, рюкзаки, сапоги на гвоздях, велосипедные шаровары, береты... Когда мы нарядились чучелами вроде Тартарена, то оказалось, что не

⁹⁴ Центральный рынок (франц.).

⁹⁵ Аничков Евгений Васильевич (1866-1937) - литературовед, фольклорист.

⁹⁶ Иван Странник - псевдоним писательницы Анны Митрофановны Аничковой (1868-1935).

⁹⁷ 83 Ковалевский Максим Максимович (1851-1916) - правовед, историк, публицист. В ноябре 1901 года им был основан в Париже Русский университет, иначе: Высшая русская школа общественных наук.

⁹⁸ Александр Мерсеро (1884-1945) - французский поэт (псевдоним Эшмер-Вальдор).

⁹⁹ 84 Гиль Рене (1862-1925) - французский поэт и критик, глава "инструменталистов". Его письма к Волошину опубликованы П. Р. Заборовым (см.: "ЕРОПД-79". Л., 1981. С. 238-246).

¹⁰⁰ 85 Меродак-Жано Алексис (?-1919) - французский художник и скульптор. Его письма к Волошину см. в кн.: Русская литература и зарубежное искусство (Л., 1986. С. 354-356).

¹⁰¹ 86 Тархов Николай Александрович (1871-1930) - художник. См. о нем в воспоминаниях С. И. Дымшиц-Толстой (с. 175).

¹⁰² Де-Роберти Евгений Валентинович (1843-1915) - социолог и философ.

¹⁰³ 87 Волошин отправился с художниками в путешествие в Испанию и на Майорку в 1901 году (время этого путешествия - с 24 мая (7 июня) по 9(22) июля).

только пешком нельзя двинуться, но в вагон едва влезешь. Отступать поздно. Билеты взяты... В поезде мы доехали до Тараскона. Когда прошли несколько километров, я легла на дорогу, говоря, что дальше не пойду. Макс взял мой рюкзак в зубы, так как сам был перегружен.

Так дотащились до границы, откуда все лишнее отправили в Париж. Компания наша состояла из Елизаветы Николаевны Давиденко, меня, Макса и художника Александра Алексеевича Киселева. Раннее утро. Впереди горы. Не веря "кратчайшим путем" Макса, я беру пастуха-проводника. Макс недоволен. Убегает вперед, не желая пользоваться им. "Сам лучше знаю, куда идти". Догнали его на вершине. Спит на снегу. Далее спуск на собственных салазках. Встреча. Два подозрительных субъекта. Страшно, да и они, видно, испугались. Остановились. Шепчут что-то на непонятном языке. Предлагают Максиму сигареты. Очевидно, контрабандисты. Мужчины наши некурящие - пришлось нам выкурить по сигаре. Благополучно разошлись.

Вторая ночевка была в каком-то сарае. Утром Макс уверял нас, будто его разбудил поцелуй коровы. Поздравили его с успехом... После полудня добрались до столицы Андорры¹⁰⁴. Крошечный городок республики. Макс сейчас же отыскал президента республики, хозяина кабачка, и привел его к нам в единственный auberge¹⁰⁵, где мы остановились. Каким образом Макс сумел договориться с ним - неизвестно, так как президент ни на каком европейском языке, кроме андорро-испанского жаргона, говорить не мог. Однако от Макса мы узнали, что республика живет доходами от контрабанды между Францией и Испанией, меняя быков на сигары. Смотрели на ратушу и гильотину, ни разу не действовавшую, но сохраняемую для устрашения. Политических партий две: одна за проведение дорог, другая - против. Жителей в республике 300 человек. Расположена она в узком ущелье гор. Воздух живительный. Больниц и больных не имеется. Жаль, что наш общий дневник остался в Париже и пропал, конечно, со всем моим имуществом. В него мы должны были ежедневно по очереди вписывать или врисовывать впечатления дня путешествия. Макс начал его в первую же ночь стихотворением "В вагоне". Мы вместе слушали, как "...стучит это: ти-та-та... та-та-та... [та-та-та...] ти-та-та...". Его описание Андорры с моими рисунками было напечатано в каком-то петербургском или московском журнале¹⁰⁶.

Пробыв в Андорре до следующего утра, тронулись дальше. Вот и граница Испании. Таможня. Макса увели куда-то. Возвращается слегка сконфуженный. Дело в том, что его толщина показалась подозрительной, и ему пришлось раздеться, чтобы доказать, что она природная, а не контрабандная. Мы заливались смехом вместе с Максом и спешили дальше. Но вот я увидела дилижанс и, несмотря на протесты Макса, уселась. Остальные последовали

¹⁰⁴ 88 Столица Андорры - селение Андорра де Вьеха. Население Андорры в то время составляло 12 тысяч человек. Сам Волошин в незаконченной статье "Андорра" подробно описал переход через Пиренеи (ИРЛИ). А в путевом альбомчике (№ 17) описан визит к президенту Андорры 11 июня 1901 года: "В гостях у президента республики Иосифа Кальда в Лос-Калодас (генеральный синдик). Маленький городок в двух километрах от Андорры. Белый дом-ресторанчик. Бритые испанские лица. Заплаты на штанах. Бархатные запачканные куртки. Когда мы пришли, он играл в карты. ... "Могу я Вас спросить некот[орые] сведения по истории вашего государства и по его совр[еменному] положению?" - "Да какая же у нас история? Государство наше было основано Кар[лом] Вел[иким], и с тех пор у нас еще ничего не переменялось..." ... - "А есть ли у вас полит[ические] партии?" - "О, да! Конечно, как в каждом государстве. У нас есть прогрессисты, т[о] е[сть] франц[узская] партия, которая настаивает на проведении дорог, на развитии торговли, а другая - испанская - консервативная, не хочет этого - хочет, чтобы все оставалось по-старому". ... - "А существует ли у вас какая-нибудь литература, поэты, художники?" - "О, нет, у нас ничего этого нет". Президент обещал зайти к нам, когда будет в городе, и на этом кончилась наша аудиенция" (ИРЛИ).

¹⁰⁵ Постоялый двор (франц.).

¹⁰⁶ 89 Видимо, имеется в виду публикация: Е. К-а. Из путевых заметок. Андорра. - Иллюстрированное приложение к газете "Новое время", Спб., 1902. 6 (19) марта. С. 9.

моему примеру, а Макс очень неохотно влез-таки на козлы. Допотопный дилижанс, вероятно, возил когда-то Жорж Санд и Шопена и героев А. Дюма и множество раз был описан в романах с разбойничьими приключениями. Запряжен он четырьмя длинноухими мулами, кучер с длинным кнутом потеснился, чтобы Макс его не раздавил. Дорога спускалась зигзагами с гор, и Макс сравнивал ее красоту с Кавказом, отдавая преимущество величине последнего.

Быстро домчали нас мулы до железнодорожной станции, а поезд - до Барселоны. Опять Макс вошел в роль гида, и пошли всякие курьезы... Никогда, ни с кем я так весело не путешествовала... Макс находил, что богатые люди ничего самого интересного не замечают¹⁰⁷: их водят по шаблону. Дорогие отели всюду на один лад, еда тоже. И он был прав.

В Барселоне впервые смотрели бой быков¹⁰⁸. Сперва жутко, отвратительно, потом захватывающе интересно и поразительно красиво... Макс торопит на Майорку¹⁰⁹. Ночь на палубе парохода. Сон на свернутых канатах. Пальма красивый городок. Едем в Вальдемосу. Оливковые рощи, причудливые стволы на красной земле. Картуша (Монастырь), где жили Жорж Санд и Шопен, занят дачниками. Заходим в таверну. В нашу честь устраивается бал. (Тема стихотворения Макса "Кастаньеты".)

Вскоре Макс покидает нас и устремляется на юг Испании в самое пекло, в чем и раскаивается. Вновь соединяемся в Мадриде, который недаром зовется сковородой Европы, ходим по пустынным улицам, не признавая сиесты, и спасаемся в подземных кафе. Посетив Толедо, возвращаюсь в Россию.

Екатерина Бальмонт РЕДКО КТО УМЕЛ ТАК СЛУШАТЬ, КАК ОН

Имя Макса Волошина я услышала впервые от Бальмонта. Он писал мне из Парижа осенью 1902 года, что познакомился в Латинском квартале (кажется, на одной из своих лекций) с талантливым художником М. Волошиным, который "и стихи пишет". В каждом письме похвалы ему возрастали. Бальмонт, видимо, заинтересовался и привязался к Максиму. Он писал, что они много бывают вместе, бродят по городу, Макс показывает ему уголки старого Парижа, доселе ему не известные. Писал, что разность взглядов и вкусов - Макс принадлежал к латинской культуре, изучал французских живописцев и поэтов, а Бальмонт был погружен в английскую поэзию, переводил Шелли, изучал Э. По - не мешали их сближению. К сожалению, я не могу привести подлинных слов Бальмонта из его писем, - слов нежных и восторженных о Максе: письма эти погибли на нашей парижской квартире во время войны 1914 года. Бальмонт писал мне очень часто, но в его письмах не было ничего фактического, это были или стихи, или мимолетные впечатления от книг, природы и встреч. О людях - мало, и по тому, что о Максе было сравнительно так много, я заключила, что эта

¹⁰⁷ 90 Еще в "Журнале путешествия", который Волошин вел в 1900 году, он полушутя писал: "В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы вполне узнать страну, необходимо ощупать ее вдоль и поперек подошвами своих сапог. В путешествии количество виданного всегда обратно пропорционально количеству истраченного и съеденного" (ИРЛИ).

¹⁰⁸ 91 Бою быков Волошин посвятил статью "Бой быков. Севилья. Июль 1901" (газета "Русский Туркестан". 1901. 19 августа. № 156. С. 1-3).

¹⁰⁹ 92 О пребывании на Майорке Волошин написал в двух статьях: "По глухим местам Испании. Вальдемоса" и "Cartusa de Valdemosa"¹⁰⁹¹⁰⁹ Картезианский монастырь в Вальдемосе (исп.)

(Места Жорж Занд и Шопена)" (ИРЛИ). Волошин и его спутники пробыли на Майорке с 18 июня по 2 июля. Отплыв из города Пальма в Испанию, Волошин посетил там Барселону, Валенсию, Малагу, Севилью, Кордову, Толедо, Мадрид.